

К 536

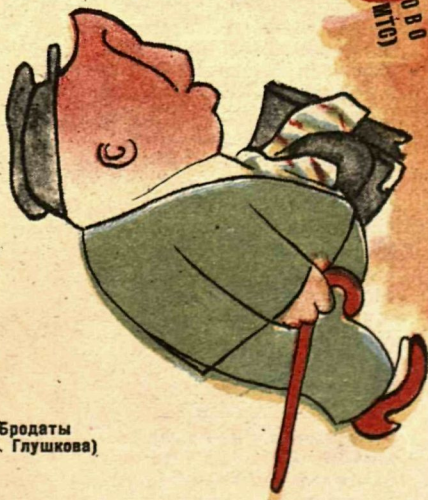
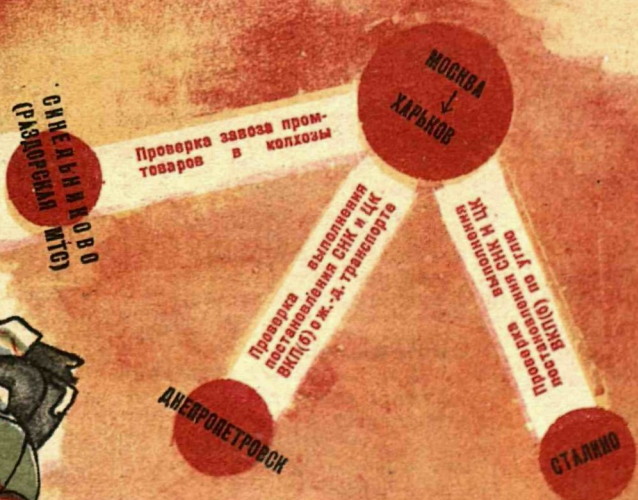


Рис. Л. Бродаты (тема М. Глушкова)

— Я знал, что сатира оружие, но не до такой же степени!..



„Рожденный ползать — летать не может“.

(М. Горький).

**НЕТ ПРАВИЛ БЕЗ ИСКЛЮЧЕНИЙ!
„КРОКОДИЛ“ БУДЕТ ЛЕТАТЬ**

— Ну, что же, — подумает бюрократ, — чем дальше от земли, тем лучше. А вась, не валянет в сомнительные уголки моего учреждения.

— Ага!.. „Крокодил“ стал летуном, — вкрадливо смеется лжеударник. — Это не дурно, — обрадуется очковиратель, — сверху посевная площадь кажется меньше, — не будет лишних неприятностей.

— Гм... гм... — станет сомневаться строгий-престрогий критик, — подняли ли „Крокодил“ на принципиальную высоту?..

Но „Крокодил“ несомненно, безоговорочно и энергично выполнит задание рабочих подшефной бумажной фабрики „Сокол“ — построить свой самолет в агитбригады имени Горького и одновременно пополнить стальные ряды Красной боевой авиации.

Для этой цели редакция в скором времени выпускает специальный номер журнала „Крокодил“ в воздухе“.

28 августа бригада „Крокодила“ на самолете „ИБ“ вылетела для проведения авиарейда по маршруту Москва — Харьков — Днепропетровск — Раздорская МТС (Синельниково) — Сталино — Харьков — Москва.

Подробности читайте в следующем номере „Крокодила“.

И от смеха молодеет
 Никто ровными ногами
 Утрамбовывают площадку
 Гейне нету! Нету больше
 Довольного семиты,
 Колеса престола,
 Пересмешника велики,
 Гейне нету! Нету больше
 Барабашника восставши,
 Сокрытая трагедия,
 Друга Ангельса и Маркса.
 Гейне нету! Но глядите:
 Домпереттер! Что такое?
 Навожденья! На асфальте
 Вырастают прежний призраки.
 Нет, не прежний! С каждым мигом
 Он становится все больше.
 Он растёт: запознал площадку,
 Скверы, липы, весь Тамбури!
 И уста его, как прежде,
 Скаркастически кривятся,
 И вовек неистребима
 Эта страшная насмешка.
 Он смеется! Он смеется!
 Он смеется! И как будто
 В самом воздухе немецком
 Разлита насмешка Гейне.
 Он смеется! Нет спасенья!
 И за ним смеется небо,
 И земля за ним смеется,
 И, смеясь, они грохочут:
 — О, коричневая тулуста!
 О, финистеры на троне!
 Запретите Гарт и Брокен;
 Аргументы Рейн и Эльбу;
 Соловья, воспевающих Гейне,
 Посадите за решётку;
 Розам пахнуть прикажите
 С дозволения цензуры,
 Все равно не заглянуть вам
 Сокрытую смея!
 Можно бронзу перелавить,
 Расплавить гранит и мрамор;
 Можно книги сжечь — и перел
 Ветром по миру развевать;
 Можно в танце готтентотском
 Вкрут костров плавать, вдыкая
 Расшаренными ногами
 Гарь сжигаемой культуры,
 Но нельзя на горло песню
 И нельзя убитый улыбку
 Гениального поэта!

И от смеха молодеет
 Никто ровными ногами
 Утрамбовывают площадку
 Гейне нету! Нету больше
 Довольного семиты,
 Колеса престола,
 Пересмешника велики,
 Гейне нету! Нету больше
 Барабашника восставши,
 Сокрытая трагедия,
 Друга Ангельса и Маркса.
 Гейне нету! Но глядите:
 Домпереттер! Что такое?
 Навожденья! На асфальте
 Вырастают прежний призраки.
 Нет, не прежний! С каждым мигом
 Он становится все больше.
 Он растёт: запознал площадку,
 Скверы, липы, весь Тамбури!
 И уста его, как прежде,
 Скаркастически кривятся,
 И вовек неистребима
 Эта страшная насмешка.
 Он смеется! Он смеется!
 Он смеется! И как будто
 В самом воздухе немецком
 Разлита насмешка Гейне.
 Он смеется! Нет спасенья!
 И за ним смеется небо,
 И земля за ним смеется,
 И, смеясь, они грохочут:
 — О, коричневая тулуста!
 О, финистеры на троне!
 Запретите Гарт и Брокен;
 Аргументы Рейн и Эльбу;
 Соловья, воспевающих Гейне,
 Посадите за решётку;
 Розам пахнуть прикажите
 С дозволения цензуры,
 Все равно не заглянуть вам
 Сокрытую смея!
 Можно бронзу перелавить,
 Расплавить гранит и мрамор;
 Можно книги сжечь — и перел
 Ветром по миру развевать;
 Можно в танце готтентотском
 Вкрут костров плавать, вдыкая
 Расшаренными ногами
 Гарь сжигаемой культуры,
 Но нельзя на горло песню
 И нельзя убитый улыбку
 Гениального поэта!

Вот вамакнул перчаткой белой
 Командант магистратуры
 И пошел полки в атаку
 На немое названье.
 Десять лестниц протянулись
 Третьи десять волонтеров
 Лежат востро — веревку
 На протяжении накинута.
 И как будто в ожиданьи
 Неожиданного беслава
 Под петлю печальный Гейне
 Клонит бронзовую шею.
 Девять раз петля скользнула,
 Не понае, а на десятый
 Под победное рычанье
 Овва змею горло.
 Ноги — кривят, усы торчат,
 Триста шучманов свирепых.
 Ноги — надсаживаются глотки
 Три надменных батальона.
 Распирая от экстаза:
 — Deutschland, Deutschland über alles!
 Воскличат патриоты.

Вот вамакнул перчаткой белой
 Командант магистратуры
 И пошел полки в атаку
 На немое названье.
 Десять лестниц протянулись
 Третьи десять волонтеров
 Лежат востро — веревку
 На протяжении накинута.
 И как будто в ожиданьи
 Неожиданного беслава
 Под петлю печальный Гейне
 Клонит бронзовую шею.
 Девять раз петля скользнула,
 Не понае, а на десятый
 Под победное рычанье
 Овва змею горло.
 Ноги — кривят, усы торчат,
 Триста шучманов свирепых.
 Ноги — надсаживаются глотки
 Три надменных батальона.
 Распирая от экстаза:
 — Deutschland, Deutschland über alles!
 Воскличат патриоты.

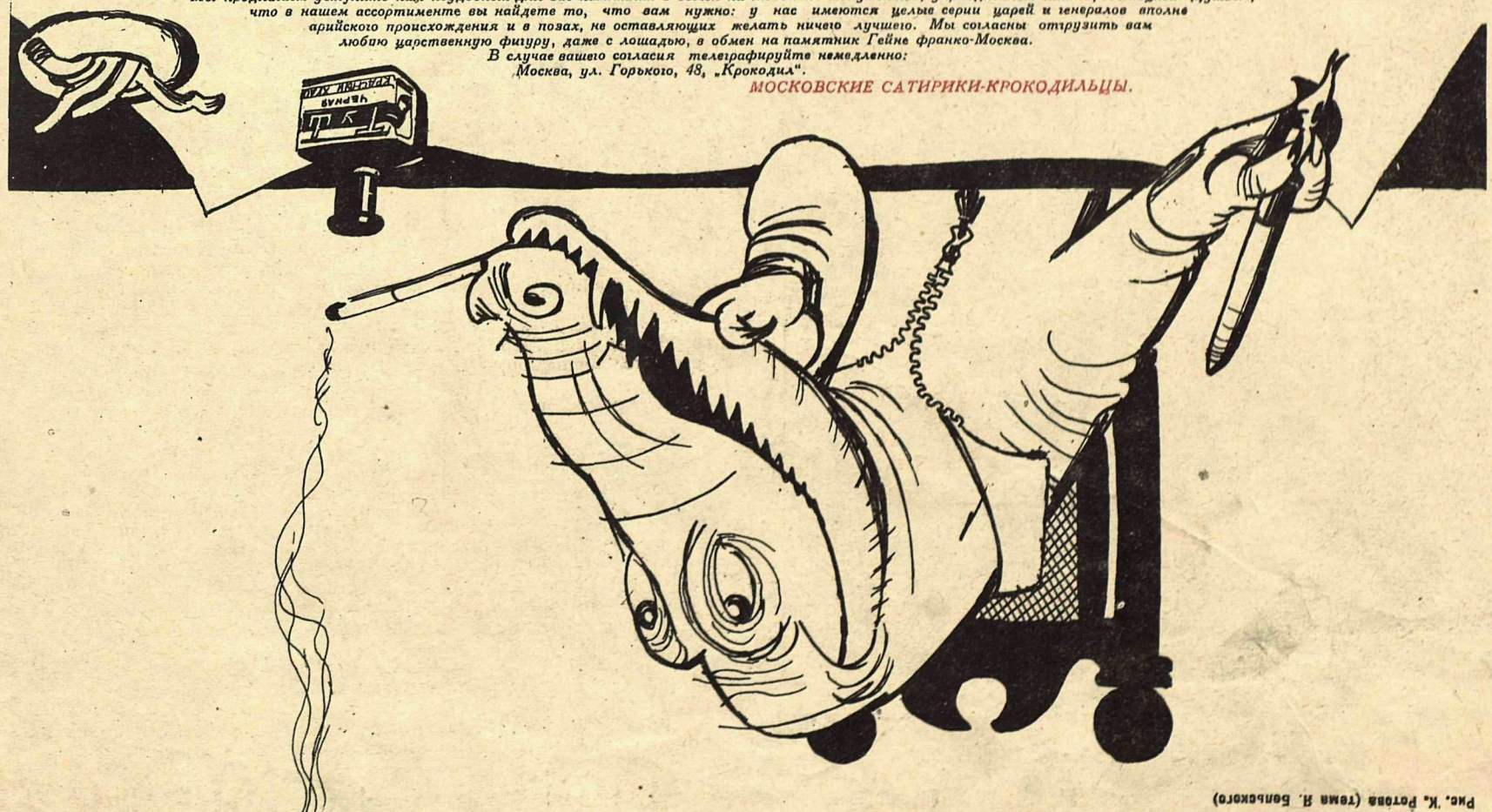
Г Е Р И Н Г И П Р О Т И В Л Е Й Н Е

ГОСПОДАМ ГЕРИНГУ И ГЕББЕЛЬСУ ОТ КРОКОДИЛЬЦЕВ

ДОСТОПОЧТЕННЫЕ И ПРОСВЕЩЕННЫЕ ГОСПОДА!

В виду того, что снятый вами памятник злоредного сатирика, поэта и еврея Генриха Гейне, по нашим сведениям, еще не приспособлен к нуждам новой национальной культуры, мы, московские сатирики-крокодилы, делаем вам выгодное и вполне деловое предложение.
 Мы предлагаем уступить вам неудобный для вас памятник в обмен на любой из монументов, упраздненных нашей революцией. Думаем, что в нашем ассортименте вы найдете то, что вам нужно: у нас имеются целые серии царей и генералов вполне арийского происхождения и в позах, не оставляющих желать ничего лучшего. Мы согласны отрубить вам любую царственную фигуру, даже с лошады, в обмен на памятник Гейне франко-Москва.
 В случае вашего согласия телеграфируйте немедленно:
 Москва, ул. Горького, 48, "Крокодил".

МОСКОВСКИЕ САТИРИКИ-КРОКОДИЛЬЦЫ.



Иск. К. Ротва (тема Я. Бельского)

ДИРЕКТОР ЗАНЯТ...

Громоздкий, как баррикада, письменный стол личной секретарши стоит между посетителями и кабинетом директора.

Звонит настольный телефон.

Личная секретарша берет вздрагивающую трубку, произносит с универсальным секретарским достоинством:

— Вас слушают!

Трубка просительно рокошет. Секретарша поджимает губы.

— Кончайте, товарищ. Ничего не могу. Он занят! Да, да! Очень занят!

К столу-баррикаде подходит товарищ из ОРС, оглядывается.

Искоса смотрит он на гладкие, выпестованные, с розовыми ноготками пальцы секретарши, потирает свои шершавые ладони и, преодолевая смущение, говорит:

— Товарищ, я...

— В чем дело, товарищ? — спрашивают его, не поднимая глаз.

— К директору!

— По какому делу?

— По рабочему снабжению. У нас, понимаешь, с этим делом так получилось. Такой компот!

— Какой компот? В чем дело, товарищ? — повышает голос секретарша. — Директор этим делом заниматься не будет. Директор не повар! Обратитесь в столовую!

— Доложили бы все ж таки, товарищ секретарь. Такой вопрос...

— А я вам, товарищ, на ваш вопрос отвечаю. Директор занят!

— Но, товарищ, поймите...

— Тут нечего понимать. В цех питания!

— Товарищ, да поймите вы...

— Обратитесь в ОРС!

— Я сам из ОРС, товарищ!

— В таком случае я ничего не могу вам больше посоветовать, товарищ. Директор занят!

— А когда освободится?

— Не знаю, товарищ. Я его не спрашиваю. Он мне не говорит! Товарищ из ОРС шумно уходит.

— Кто это там шумит? — осведомляется директор из-за дверей.

Он сидит в кабинете, как чиж в клетке. В цехах он не бывает. Там суматоха, а он любит тишину. Он любит также мягкую мебель и мягкое обхождение.

И уж если он спросил, кто шумит, то все разговоры будут переведены на шопот, и даже снимут трубку с настольного телефона. Тишина...

Директор — в мягком кресле. Читает сводки суточной выработки на заводе, курит непрерывно папиросы, тискает пальцами напряженные виски:

— Опять невыполнение? Почему невыполнение? Что бы такое еще измыслить, что предпринять?!

Табачное облако встало над ним... За дверью личная секретарша зловещим шопотом выпроваживает приходящих.

— Занят. Русским языком, товарищ, вам говорят, — директор занят. Что? Ну, знаете, товарищ, если крыши в бараках протекают, то ведь директор не кровельщик. Кажется, ясно, товарищ?

— Что? Текученье рабсилы? Ну, товарищ, с этим надо в отдел кадров. Кажется, тоже ясно!

— ...Вам что, товарищ? По финансовому вопросу, о зарплате? К директору? Нельзя, нельзя, товарищ. Что? Но ведь зарплату удерживают для завода, а не для директора. Обратитесь в финчасть. Нельзя же с каждым пустяком к директору.

Директор ожесточенно курит, трет переносицу:

— Когда, бишь, подписывал я приказ о браке и прогулах? Совсем недавно, как будто подписывал. Чего бы еще подписать? Обязательное постановление, что ли? Может быть, выговор кому-нибудь залепить? Кому?

На заводе в лицо он знает немногих. И его мало кто знает. Когда таких, как он, снимают безвременю с должности, то на заводе смутно говорят:

— Какой из себя-то? Чернявенький, что ли, был, с бородкой? Или светлый?

... В табачном облаке, как в тумане, сидит директор, сидит один-один в своем кабинете. Мучительно ищет он причину невыработки. А причина ищет директора, колотится в директорскую дверь. Но у дверей кабинета за столом-баррикадой примостилась белая ворона и каркает безучастно:

— Занят. Не будет. Не может. Ничего не могу. Не знаю. Занят. Занят!...

Л. ШТИЦКИЙ

ДНЕВНИК „КРОКОДИЛА“

18 АВГУСТА. Несмотря на выходной день, разобрал материалы ВОИЗ (Все-союзного объединения изобретателей). У меня с изобретателями заключен договор дружбы. Мои ребята ездили по изобретательским делам в Баку и Тифлис, привезли интересный материал. В очередном № думаю сделать по этому поводу доклад т. Орджоникидзе.

Изобретательские нужды
Включая в крокодилий круг,
Изобретенья мне не чужды,
Изобретателям — я друг!

23 АВГУСТА. Сегодня, приготовив очередной №, поехал вечером в рабочий поселок на Усачевку (Москва), где был организован специальный вечер „Крокодила“. На легкой площадке собралось около 1.000 усачевцев. Говорили про жилищно-бытовые нужды. Нужд этих оказалось у усачевцев так много, что я исписал целую стопу бумаги.

Усачевские детишки
Распевают два стиха:
„Хороши у нас домишки,
Только славушка плоха“.

P. S. Надо использовать усачевский материал для следующего сатирического блокнота штицера, который я думаю посвятить московской промышленности и коммунальному хозяйству.

25 АВГУСТА. Начполитотдела Раздорской МТС (Синельниковщина) т. Анурин и его зам. т. Турин прислали телеграмму о выполнении годового плана хлебосдачи. Раздорцы — старые мои приятели, — зовут к себе на праздник. Чернул им телеграмму:

Я мастер гладить против шерсти.
Но в этот раз без острых вил.
Я шлю колхозникам раздорским
Привет горячий.

„Крокодил“.

Воздушной бригаде крокодильцев велел обязательно залететь в Раздоры.

26 АВГУСТА. Усиленно занимаюсь немецким языком. Готовлю совместно с Издательством иностранных рабочих в СССР специальный номер о фашизме и военной опасности на немецком языке для германских рабочих в СССР. *Grüße, Genossen! Rot Front!*

ИЗ ЖИЗНИ ЗАКЛИНАТЕЛЕЙ ЗМЕЙ

(К австро-германскому поединку)

Рис. Ю. Гапфа
(тема Я. Бельского)



АВСТРИЯ И ГЕРМАНИИ: — Подожди, пожалуйста, я тебе еще песенку сыграю. Неудобно, публика смотрит.

СИЛЬНОДЕЙСТВУЮЩЕЕ

Когда я вошел, было около девяти часов вечера. Особа, к которой я, собственно, и явился, Нина Антоновна Окуневская, милостивая гражданка 22 лет, широко расставив ноги, гулко топала в коридоре, рыча в то же время:

— А вот я сейчас! Вот сейчас, сейчас! О-го-го-го! Вот иду, иду!!!

Нина Антоновна широко раскрыла рот, выпятила губы и затрубила нето, как далекий паровоз, нето, как слон.

Я непроизвольно вздрогнул и осторожно обернулся к выходу.

— Куда вы? — негромко и совершенно нормальным тоном сказала мне Нина Антоновна. — Раздевайтесь. Он сейчас уснет, и мы с вами будем пить чай.

— Кто уснет?

— Леша. Он, знаете, не засыпает, пока его не пугнешь бабой-ягой. О-го-го-го! Вот сейчас, сейчас! — вновь зарокотала моя собеседница.

Я понял: Леша был трехлетний сын Нины Антоновны, и, стало быть, я попал akurat в тот момент, когда в педагогических целях разыгрывалась сцена с участием бабы-яги.

Сняв пальто, я вошел в комнату, где находился капризный зритель этого спектакля. Румяный и белокурый Леша стоял, держась за оградительную сетку своей кровати и, с интересом скосив на дверь голубые глаза, тянул:

— А пчму-у-у?

Подле него стояла добровольная нянька — приятельница матери — и с трудом выворачивалась в обстоятельном допросе.

— Почему она не входит? Баба-яга-то?

— Та, — сказал Леша (в тех случаях, когда его что-нибудь занимало, слово „да“ он произносил с большим придыханием и глухо — „та“).

— Та. Пчму-у-у?

— Она потому не входит, что она очень страшная. Она может напугать мальчиков.

— Пчму-у-у?

— Почему страшная?

— Та.

— Так уж она устроена. Тут у ней рога, тут клыки, тут горб...

Рев скрывшейся за дверью ведьмы прервал описание ее, ведьминой, внешности.

— Ну, ложись скорее, спи, а то она тебя сейчас сунет в мешок и унесет.

Леша немного подумал, потом лег и позволил накрыть себя одеялом.

— Фу! Наконец-то! Ниночка, можешь войти.

Нина Антоновна вошла и, убедившись в том, что ее художественная игра возымела действие, принялась хлопотать о чае.

— Негодный мальчишка, — сказала она, — раньше было достаточно упомянуть о бабе яге, потом пришлось стучать: дескать, вот она пришла... А теперь, видите, приходится целые сцены разыгрывать...

Негодный мальчишка уже мирно посапывал, закрыл глаза, и просто не верилось, что для приведения его в это состояние нужно было стучать ногами, рычать и описывать страшную внешность бабы-яги.

Следующая моя встреча с Лешей и его мамой была такая. Леша сидел на собственной своей табуретке перед собственным столом, размеры которых были строго согласованы с ростом их владельца. На столе лениво испускала пар тарелка с манной кашей, а сам Леша ударял по столу ложкой, перепачканной в этой каше.

Нина Антоновна стояла подле и усталым голосом говорила:

— Ну, три ложечки: за папу, за маму, за бабушку.

— Не хочу.

— Ну, две ложки: за папу и за маму.

— Не хочу.

— Ну, тогда сейчас придет баба-яга и заберет тебя.

Лицо Леша заметно оживилось. Он поглядел в сторону двери и спросил:

— А где она?

— Баба-яга? А там вон. В коридоре. Сейчас придет и заберет.

— Пчму-у-у?

— Потому что не слушаешься. — Тут Нина Антоновна обернулась ко мне и конспиративным шопотом сказала: — Пожалуйста, выйдите в коридор и порывайте немного. Можно также стучать. Если увидите что-нибудь подходящее потяжелее, бросьте на пол.

Я вышел в коридор, рычал, стучал, топал ногами и бросал на пол портфели, калоши, телефонную книгу и поднос в течение 10 минут. Затем, сделав большую паузу, я прислу-

шался. Нина Антоновна говорила испуганным будто бы голосом.

— Слышишь? Стучит!

— А негромко пчму-у-у? — прозвучал лешин голос.

Я со злостью бросил на пол сразу все перечисленные выше предметы. Кажется, это подействовало, потому что меня скоро позвали обратно.

Войдя, я увидел, что кучка манной каши перестала испускать пар и что чуть-чуть была затронута с одного бока.

— Спасибо большое, — сказала Нина Антоновна, — а то мне нельзя больше изображать бабу-ягу: он узнает меня по голосу. И потом

„ВЫХОДНЫЕ“ СТИХИ

К обеду нынче взял вина я.
Сегодня я весь день с женой, —
Жена сегодня выходная,
И я сегодня выходной.
Но по душе мне нынче проза,
Стихи летят ко мне в окно.
Вино навазского совхоза
Купить и выпить не грешно.

Но хмурый критик мечет гром, —
Он любит не вино, а бром!
Он говорит: „Следы богемы!..
Когда под'ем по всей стране, —
Вы не нашли нужнее темы,
Чем о вине и о жене?!
Позор!!! Подумайте: сознание
На величайшем рубеже, —
А вы даете подражанье
Фривольным песням Беранже!
Он был француз! А вам смешно
И стыдно воспевать вино!“

Вы зря кричите, милый критик,
В бесполой строгости дрожа,
Товарищ критик! Я не нытик,
Не лодырь я и не ханжа!
Бутылка легкого Абрау
Отнюдь не портит мой сюжет:
Она достойна и по праву
Вошла в стихи и в мой бюджет.

И вы за строчки о вине
Анафему не пойте мне.

Я не люблю завязатых пьяниц,
Известно мне, что водка — яд,
Но смех и шутка, бодрый танец
И взоры женские пьянят.
Пьянит нарзан и горный воздух,
Соченый дух морской волны...
И свой законный, честный отдых
Мы бодро проводить должны,
Чтоб взять зарядку посильней
На пять рабочих жарких дней.

В стихах заводит шуры-муры
С десятком дев позт иной,
А я, — отметьте, критик хмурый, —
Я говорю, что был с женой.
Жена бывает и чужая
(Женаты все мои друзья),
Но, вашу скромность уважая,
Скажу: жена была моя!

Извольте, критик! Вот вам путь
Меня в мешчанстве упрекнуть.

Мы за обедом говорили
Насчет театра и кино,
Смеялись много и острили
И пили доброе вино.
И вас мы вспоминали часто,
Товарищ критик! Вы смешны:
По-вашему, энтузиасты
Всегда быть хмурыми должны.

Послушать вас, — энтузиаст
Лишь зубы стискивать горазд!

Судить по-вашему, — герои
Не люди и не устают.
Они все только строят, строят,
Не спят, не любят, не поют...
Ах, критик! Должен вам признаться:
Герои пьют не только квас, —
Они умеют целоваться
И песни петь получше вас.

И — как ни странно вам — порой
Танцует лучше всех — герой.

Не назову себя героем,
Но ведь и мы вдвоем с женой
Пять дней, как все, кипим и строим
И отдыхаем в выходной.
Наш отдых прост. Я лгать не буду, —
В нем нет идейной высоты:
Играем с дочкою в верблюда
И ходим в поле рвать цветы.

Ну? Все понятно?.. Эй, жена!
Налей-ка критику вина!

ВАС. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

со вчерашнего дня он стал требовать, чтобы баба-яга что-нибудь бросала на пол...

Дозы этого сильнодействующего воспитательного наркоза все увеличивались. Через месяц я застал Лешу, гуляющего по комнате в одном ботинке. (Замысловатые петли его шагов повторяли: мать со вторым ботинком в руках, отец, знакомый отца, случайно зашедший по делу, и известная уже нам приятельница матери).

— Лешенька, ну, надень ботиночек, ты же простудишься!

Леша не отвечал и не ускорял даже шага.

— Ну, хорошо, вот сейчас придет баба-яга!

— Пчму-у-у? — вопрос был задан явно по привычке. По существу Леша был, видимо, заинтересован. Он сел на свою табуретку, оборотившись лицом к двери. Ни дать ни взять — зритель в первом ряду партера Мюзик-холла, предвкушающий занятный аттракцион.

Между родителями Леша в это время происходил небольшой торг.

— Кто будет бабой-ягой? — спрашивал отец.

— Конечно ты.

— Я же был ведьмой утром, когда не пило молоко.

— Здрасте! Мало я изображала бабу-ягу, когда тебя не бывало дома. И потом он меня узнает.

— Где баба-яга? Не идет пчму-у-у? — капризный голос прервал споры.

— Сейчас, Лешенька, папа пойдет за ней.

Действительно, папа поспешно вышел. Протекли три минуты напряженного ожидания. Леша расположился поудобнее. Так и хотелось в его руках увидеть бинокль или программу.

И вот вошла баба-яга. Она сильно напоминала мудреца дивана из знаменитой вахтанговской постановки „Принцесса Турандот“: у бабы-яги была борода из полотенца и на голове — колпак для чайника в виде петуха; в руках у бабы-яги была кухонная тятка. Баба-яга рычала и двигалась в ритме экзотического негритянского танца.

Глаза у Леша заблестели. Машинально он дергался в такт бабе-яге. Затем его внимание привлекла тятка. Он спросил о ней у матери.

— А это, Лешенька, тятка, которой она убивает непослушных мальчиков. Ну, давай ножку, наденем скорей ботинок, а то она и нас убиет...

Леша рассеянно протянул требующуюся конечность. Но на лице у него отразилось сомнение: может быть, интереснее подвергнуться убиению посредством тятки, чем быть послушным мальчиком.

Баба-яга, сочтя свою миссию выполненной, повернулась к двери. Леша капризно спросил:

— А пчму она не ходит на руках?

— Сейчас, Лешенька. Ну, баба-яга, походи на ручках, Леша просит.

Баба-яга с заметным неудовольствием отошла от двери и, кряхтя, стала „на ручки“. „Ножками“ она при этом чуть не разбила зеркала. Шея бабы-яги налилась кровью, и она с трудом сделала несколько шагов. Из карманов со звоном выкатились три серебряных монетки и зажигалка.

Наблюдательный Леша заметил зажигалку.

— Смотри, — закричал он, — папина жажигалка. У бабы-яги — папина! Пчму-у-у?

— А это так... Это ей папа дал поносить. Она отдаст. Ну, баба-яга, уходи... Уходи, а то узнает.

Баба-яга не заставила себя упрашивать. Быстро встав на ноги, она скрылась. Леша был раздираем сомнениями:

— А жажигалка пчму-у-у?

— Не дай бог узнает, — шептала Нина Антоновна. — Ну, что мы тогда будем делать?

Через несколько месяцев после описанного случая с зажигалкой, с бабой-ягой я встретил Нину Антоновну на модной улице.

Она внимательно изучала вывески магазинов.

— Не знаете ли, — обратилась она ко мне, — где можно достать немного динамита или пороха?

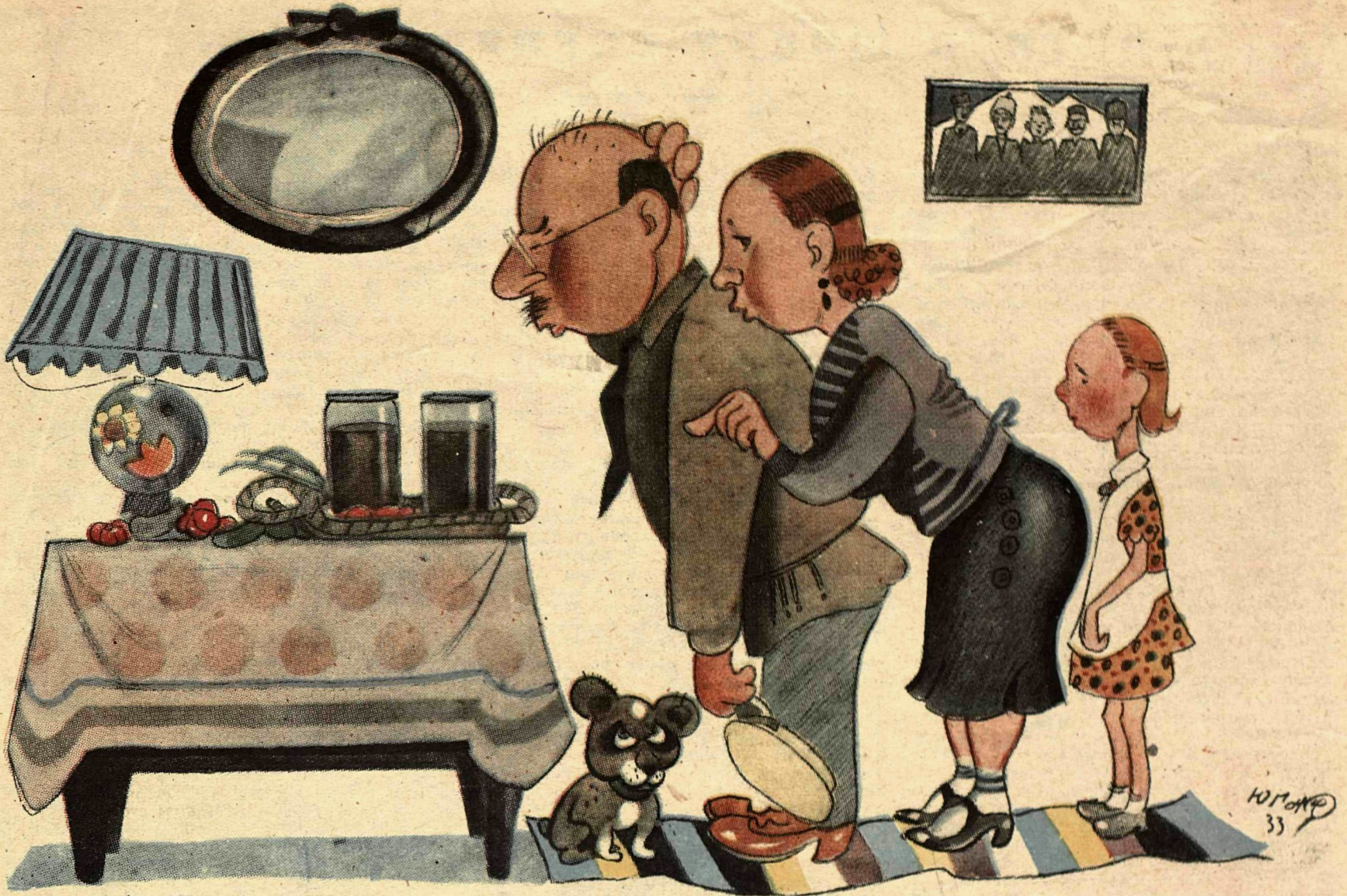
— А вам зачем?

— Когда Леша расшалится, мы все ему говорим, что баба-яга взорвет дом, если он не будет слушаться. Ну, вот приходится делать небольшие взрывы... Пробовали, знаете ли, обходиться бенгальским огнем, да теперь уж его это не интересует. Отцу обещали в одном месте несколько петард, но не уверенное... Без динамита не обойтись.

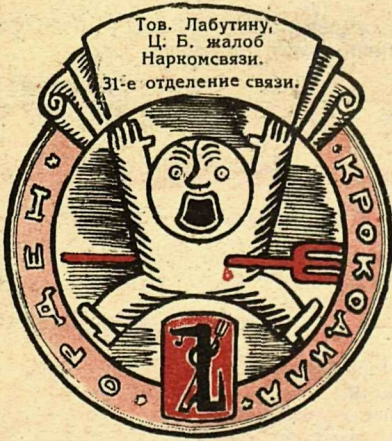
— Куда уж там, без динамита-то, — вежливо согласился я... — Не такой это ребенок, чтобы его без динамита воспитывать...

Очевидно, воспитательный наркотик изжи-вал себя, дойдя до пределов дозировки.

В. АРДОВ



ШАЛОСТИ КАЧЕСТВА — Вот история! Забыл в какой банке мыло, а в какой повидло!..



КРОКОДИЛИЙ РЕСКРИПТ

Мы, Крокодил Первый и Единственный, враг оппортунистов, гроза бюрократов, бич волокитчиков и прочая и прочая

ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ ПОВЕЛЕВАЕМ:

Наградить орденом Крокодила второй степени **ЦЕНТРАЛЬНОЕ БЮРО ЖАЛОБ НАРКОМСВЯЗИ, а лице тов. ЛАБУТИНА и 31-е МОСКОВСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ СВЯЗИ** за нижеследующие заслуги:

Гр. Холмоким 19 июля с. г. был отправлен телеграфный перевод в Ленинград. Деньги, переведенные в адрес детского санатория за лечение сына гр. Холмокого, адресатом не были получены и исчезли в неизвестном направлении.

31-е отделение связи и Центральное бюро жалоб Наркомсвязи бешеными темпами развили **ПОЛУТОРАМЕСЯЧНУЮ** волокиту, безуспешно стремясь найти пропавший перевод. Центральное бюро отвечало в течение восьми суток на почтовый запрос 31-го отделения, находящегося в пяти минутах ходьбы, и 31-е отделение не особенно волновалось по поводу этих „теплов“.

А в это время (как пишется на киноплёнках) сына гр. Холмокого выписали из санатория за невозможность оплаты. **ДЕНЬГИ, МЕЖДУ ПРОЧИМ, ТАК И НЕ БЫЛИ НАЙДЕНЫ** и только в конце августа были возвращены отправителю по дубликату.

В ознаменование этих „особых заслуг“ в области волокиты и разгильдяйства, Крокодил постановил:

НАГРАДИТЬ 31-е ОТДЕЛЕНИЕ СВЯЗИ И ЦЕНТР. БЮРО ЖАЛОБ НАРКОМСВЯЗИ, в лице тов. ЛАБУТИНА, ПЕРЕХОДЯЩИМ ОРДЕНОМ КРОКОДИЛА 2-й СТЕПЕНИ, НАКОВОЙ ПЕРЕХОДИТ ОТ ОДНОГО НАГРАЖДЕННОГО К ДРУГОМУ — ПОКВАРТАЛЬНО.

Пусть каждый из читателей в отдельности или целыми коллективами напишет поздравительные письма в соответствующих энергичных выражениях и направит награжденным в порядке очереди или обоим одновременно по адресам:

- 1) Москва, центр, ул. Горького, 17, Ц. Б. жалоб Наркомсвязи тов. Лабутина.
- 2) Москва, центр, Кузнецкий мост, 14, 31-е отделение связи.

На подлинном вилами нацарапано:

КРОКОДИЛ



РЕЙД

ДЕТИ, В ШКОЛУ СОБИРАЙТЕСЬ!..

Ученье—свет, а неполадок—
тьма.

(Новая народная поговорка)



„КРОКОДИЛА“

1 сентября, в 9 часов утра, в школах начался новый учебный год. К этому знаменательному событию „Крокодил“ приурочил открытие первого всесоюзного музея „Друзей школьников“.

Поток экспонатов превзошел всякие ожидания. Мы не могли подыскать в Москве таких широких и просторных зал, чтобы вместить все это огромное количество редчайших экземпляров. Мы пытались перенести музей в Ленинград, но оттуда звонили, что 110 тыс. кв. метров школьной площади заняты посторонними учреждениями и лицами. Из Ивановской области пришла телеграмма, что „чужаками“ занято 38.500 школьных метров. Такие же малоприятные сведения шли из Саратова, Сталинграда, из Харькова.

Музей остался в Москве, правда, от многих экспонатов пришлось отказаться и отобрать наиболее ценные и поучительные.

Не обращайте внимания на строительный мусор. Это тоже экспонат. Строительный мусор вы найдете и во многих школах, хоть там и начались уже занятия. Школа № 155 в Ленинграде до сих пор занята строительной организацией. Не мало мусора и в рядах строителей, которым поручен ремонт школ.

В Киржачском районе уже было рапортовали об окончании ремонта. После торжественного зачитания рапорта гости, под звуки оркестра, пошли осматривать школу. Оказалось, что здание действительно готово... к новому ремонту и заниматься в нем никак нельзя.

О победе на строительном фронте рапортовал и Вольский педтехникум. На другой же день после торжественного обеда, устроенного по случаю окончания техникума, двери распахнулись, полы покособились, стены растрескались и крыша стала протекать. Однако все это не покорило невозмутимого спокойствия строителей, которые наплевать отнеслись к тому, что вместе со стенами затрещал и скудный бюджет педтехникума.

Горячую поддержку школам оказывают и райисполкомы. На фабрике „Красный ткач“ в Ярославле строилась школа ФЭС. Были и материалы, и люди, и средства. Один недостаток был — стройка велась без контроля общественности. Желая ликвидировать прорыв на этом участке, ярославский исполком решил поближе познакомиться с ходом строительства, познакомиться и чем надо помочь. В результате глубокого ознакомления райисполком забрал у школы 9 тонн кровельного железа, предназначенного для крыши. Если райисполком и

далее будет так знакомиться со школой, — она останется без стен.

В Ижевске строится школа ФЭС. Только завидовать можно, сколько внимания и забот ей уделяют и обком партии и облисполком. Ее начали строить в 1929 году, заложили фундамент, но... „Удмуртстрой“ уже несколько лет не дает ни одного рабочего. Все заявки на рабочую силу, все резолюции обкома и исполкома „Удмуртстрой“ заложил в долгий ящик.

Следующий зал богат не менее примечательными экспонатами.

Во многих местах учащимся дали возможность только издали глядеть на наглядные пособия. В Горьковском крае и в этом удовольствии отказали. Чуть ли не на двести тысяч рублей затоварено на складах „ненаглядных“ пособий.

То, что произошло в этом году с письменными принадлежностями, свидетельствует о том, что кое-кого придется направить по принадлежности: в прокуратуру. В самом деле, белгородский завод „Заря революции“ не отгрузил ни одного вагона мела для школ Ленинграда. Ленинградский „Канцснабсбыт“ отпустил для школ вместо тетрадей... фабричный брак.

Ленинградская фабрика „Союз“ изготовила перья. Замечательные перья: они, прежде всего, не держат чернила, а во-вторых... они не пишут. Выпустив такие перья, администрация фабрики была спокойна: расчет простой, — даже жалобу написать нечем будет. Школьникам же придется писать гусиными перьями. И получится, что гуси, которые в свое время спасли Рим, на этот раз спасут школы от срыва занятий. Но самим-то гусям из фабрики „Союз“ не удалось спастись от „Крокодила“: он выволок их вилами и — на выставку.

Не щадя затрат и терпения, администрация музея приобрела совершенно невиданные экземпляры шефов. Может быть, во всем Союзе нет больше таких и не будет. Нашей геолого-разведочной группе посчастливилось обнаружить эти редкие ископаемые в Ленинграде. Осторожнее! Руками не трогать, — кусаются.

Завод стандартного домостроения. Завод им. Егорова. Шефствуют с редкой отзывчивостью и гибкостью. Подшефным школам понадобились для ремонта стройматериалы. У шефов этих материалов — горы, и они охотно пошли навстречу: продали подшефным школам какие-то дощечки, продали очень отзывчиво... за наличный расчет и по коммерческой цене.

Вот почему на ленте, протянутой над этими экземплярами, написано:

„Шефы вдоску“.

А вот портрет зав. киевским финотделом Галенко. Личность первой яркости. Можно сказать — звезда. Именно ему принадлежит львиная доля огромной задолженности учителям по зарплате на Украине. Каждый раз, когда учителя обращались к нему за деньгами, Галенко отвечал:

— Бог даст, а я не дам ни копейки...

Главбух Бахчисарайского райфо: Известный борец с темнотой и ликвидатор неграмотности. Впрочем, главбух ликвидировал не столько неграмотность, сколько учителей. 7 месяцев не платил он зарплаты учителям, работники школы робко напомнили ему о задолженности. Главбух вежливо ответил:

— Надоели... И вообще, катитесь вы колбасой.

И просвещенцы катятся. Школы остаются без педкадров.

Хотя, по правде сказать, если судить по некоторым экспонатам, большой беды для школы не было, если бы „катились“ педкадры, вроде учителя из Кварнинского зерносовхоза (Ср. Волга). Учитель этот малограмотный. РОНО это несколько не смущает.

— Малограмотность, — говорят, — не позор а несчастье.

И, наконец, документ. Но за бумагой — живой человек, Виктор Иванович Назаров, учитель в Мосальском районе.

Тоже очень подкованный. Это его рука писала:

„Прошу ОблОНО ЗДЕЛАТЬ СОДЕЙСТВИЕ Масальскому РОНО, так как которая неусматривает материальное положение а также СЕРЕДНЯЦКОЕ мое хозяйство и некоторый скот. Я просил ПЕРЕВЕЗТИ меня в свою Фощенскую школу, но РОНО, не жилая волынки не поглядело НЕ на что. ТИПЕР я и моя помочница сидим и плачим“.

Действительно, есть над чем плакать. Некоторые слабосильные посетители нашего музея на этой почве даже заливались слезами, — веселого в этом очень мало.

Музей открыт! Вход свободный для всех... Прием экспонатов продолжается...

Е. ВЕРОНИН
АЛ. СВЕТЛОВ



СИГ И КАРАСЬ

Молодой карась любит жариться в сметане. Старый сиг, наоборот, предпочитает воить с голавлы.

Так они оба и поступают в столовой Левантона (Дальневосточный край), соответственно своей природе.

Соответственно своей головотяпской природе поступает и администрация столовой. Карасю выдают по 2 рубля за килограмм не-ударникам, а сиг по 5 рублей — ударникам.

К удивлению толковых администраторов ударники предпочитают брать свежих карасей, предпочтя самой администрации наслаждаться тухлыми сигами.

ВОЛГА ВПАДАЕТ В ЧЕРНОЕ МОРЕ

Уж сколько раз твердили миру, будто бы... Волга впадает в Каспийское море.

И географы всех времен, начиная с Геродота, утверждали подобную чушь, и писатель Чехов о том же говорил, даже Плавинский недавно подтвердил.

Хорошо, что Учпедгиз исправил, наконец, эту досадную ошибку. В учебнике географии, вышедшем недавно Учпедгизом полумиллионным тиражом, изображена карта, на которой Волга впадает не в Каспийское море, а в Черное.

Одно из двух: или географы всего мира впади в страшную ошибку или аппарат Учпедгиза — в тихое помешательство.

БАЗАР

Прежде „своих фантазия“ была, как известно, „У всякого барона“. Теперь этой особенностью обладают массирь ст. Полторацк, Среднеазийской жел. дор.

Некий воинствующий, имел воинское требование на проезд в мягком вагоне от ст. Полторацк до ст. Самара, справлялся в разных местах о стоимости билета. И вот кассир справочного бюро станции определил эту стоимость в 67 руб. 50 коп., кассир городской станции — в 39 руб. 95 коп. и, наконец, кассир билетной кассы — в 79 руб.

В спешке отъезда пассажиру некогда было разобрат, которые двое из трех кассиров неправы, и он заплатил последнюю, наивысшую цену — 79 руб.

Товарищ Среднеазийская дорота! Кто же из кассиров неправ? Или, может быть... все трое?..

ОБИЛЬНЫЙ УЛОВ

Помощник директора Томского лесозавода № 2 Мезенцев, заведующий рабочим снабжением, напал двух рыбаков — Ющенко и Есеева.

„Рыбаки эти за все время рыбалки (свыше месяца) доставили столовой... только 6 кило рыбы. Приобретенная за 700 рублей сеть была ими брошена на берегу на произвол судьбы“.

Сеть, правда, не пустая: в нее попался помдиректора Мезенцев. Но на что он столовой? Товар негодный и тухлый!

ЗАСЛУЖЕННЫЙ АВТОДАВ

Редкий заслуженный артист пользуется такой популярностью в Москве, как шофер Седов в Выксе. Гастроли Седова вымывают всегда шум. Репертуар его обширен. В январе прошлого года Седов задал женщину, в феврале наехал на телефонный столб, в марте прокатился по огороду рабочего.

Нам было непонятно одно: почему выксунский прокурор не заинтересуется этим знаменитым артистом. Но сейчас и этот вопрос вполне выяснился. Оказывается, заслуженный автодав в прошлом году шибко лошадь бывшего прокурора Мухина и чуть не задал его самого. Повидному, новый прокурор опасается такого же отношения и предпочитает не связываться с талантливим шофером.

ЭНЕРГИЧНО БЕЗДЕЙСТВУЮТ

Кондровская фабрика делает бумагу для „Прожектора“. Вернее, не делает этой бумаги. На несколько запросов издательства „Правды“ фабрика с энтузиазмом ответила:

„Пускаем в ход машину. Полагаем, что бумага будет отправлена в начале 1933 года. Директор Ульянов“.

Но директор предполагает, а аппарат располагает.

Бумага не отправлена и в конце 1933 года.

Союзбумснабсбуть предложил обеспечить журнал бумагой в срок по договору. Союзбумснабсбуть предложил начальнику Главбумпрома добиться выпуска фабрикой в срок бумаги.

Начальник Главбумпрома предложил фабрике, под ответственность директора, выполнить договор.

Директор предложил конторе урегулировать вопрос.

А контора в два счета настряпала бумагу, по которой выходит, якобы, что „Прожектор“ все давно получил и должен чуть ли не вернуть несколько десятков тонн пострадавшей фабрике.

Дальше этого канцелярского пафоса Кондровская фабрика не пошла. Бумаги нет пока и не предвидится. Распоряжения руководящих организаций рассматриваются дирекцией фабрики как эстрадные номера ГОМЭЦ, и приводят фабрику в веселое расположение духа.

Фабрика продолжает энергично бездействовать, срывая выход журнала.

Товарищи кондровцы, бумажная фабрика должна делать бумагу, а не портить ее на липовые „отписки“.

ВЕРБЛЮД И ОТНОСИТЕЛЬНОСТЬ

Верблюд-одногогорбун несчастен был, понуда не встретил на пути ДВУГОРБОГО верблюда. „Мой жребий, в сущности, совсем не так уж худ!“ Так ОТНОСИТЕЛЬНОСТЬ уразумел верблюд.

ЭМИЛЬ КРОТКИЙ

Рис. А. Толкина (тема М. Глушкова)



— Теперь еще одну справочку, что вы женщина, и все в порядке.

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, ДОКТОР

Дверь широко растворилась, и в кабинет почти вбежал молодой человек в кепке и с чемоданчиком.
— Здравствуйте. Фу, уморился... Прямо с поезда. Ну, и жарко же у вас.

Достал платок, вытер пот.

— А хорошая у вас станция. Никогда не думал, что в этой... в этом Днепропетровске такой симпатичный вокзал. Я к вам прислан из Москвы, из НКПС... на укрепление линии. Член партии, конечно.

Тов. Теренков, начальник Екатеринбургской дороги, задолго получивший извещение, что к нему едет из Москвы в связи с решением ЦК и Совнаркома крупный специалист, привстал даже. Гостей надо приветствовать.

— Чаю не хотите?

— Спасибо, большое спасибо...

Предъявил документ.

В документе за № 29, подписанном начальником эксплуатационного управления НКПС тов. Князевым, значилось нижеследующее: „Предъявитель сего — Н. Иванович Кочев, года рождения 1906-го, командирован в распоряжение дирекции Екатеринбургской дороги на должность начальника внеклассовой или первого класса станции. Аванса выдано — 400 рублей“.

— Очень рад, — протянул руку начальник дороги, — будем знакомы. Нарзану не хотите?

— Хочу! — сказал гость и достал вторую бумажку:

„Приложение к путевке № 29.

Предъявителя сего, старшего инспектора транспортного санитарного управления НКПС тов. Кочева Н. И., направляемого к вам по путевке № 29 на должность начальника внеклассовой или первого класса станции, оформите и с 27 июля отпустите в 2-месячный отпуск... Тов. Кочев обеспечен с 30 июля по 28 августа путевкой на курорт Железноводск, а с 28 августа по 23 сентября путевкой на курорт Кисловодск.

Начальник эксплуатационного управления НКПС
(подпись) Князев“.

Говорят, пути господни неисповедимы. Но что господни пути по сравнению с транспортными путями! Кочев уже в Железноводске... Его „оформили“ даже до срока: не 27-го а 23 июля.

Хочешь лечить транспорт, исцелился сам. Не пейте сырой воды. Мойте руки перед едой. Плевать на пол не разрешается.

Все это верно. Но... почему все же т. Теренков, а не т. Князев должен был предоставить отпуск Кочеву? Какие есть к тому, если не деловые, то хотя бы формальные основания. Ведь Кочев в Днепропетровске только проездом.

Князеву выгодно, чтобы в отчете НКПС значилось больше отправленных на укрепление линии специалистов, чем их на самом деле отправлено. Князеву выгодно числить железнодорожников и кисловодских курортников работающими уже на линии. Но т. Теренков? Почему это ему оказалось выгодным? Другого начальника внеклассовой или первого класса станции вместо Кочева ему не дадут. А осенне-зимние перевозки начались.

Непонятно и другое. Кочев — 1906 г. рождения, ему 27 лет. Он не инженер, не техник и даже не стрелочник. За всю свою „долгую“ работу в системе НКПС он, как выясняется, только семь месяцев служил где-то начальником раз'езда и помощником начальника станции 3-го класса. Как же ему без знаний, без образования, без опыта возглавлять такую станцию, как Днепропетровск или Ясиноватая, через которые проходят ежедневно до 30 пар поездов, миллионы пудов угля, металла, хлеба и других грузов.

Из аппарата НКПС шлют санитарного работника на ответственнейшую должность начальника внеклассовой станции, кто-то издается над решениями партии и правительства, а т. Теренков мирится с этим, вместо того чтобы немедленно сообщить о безобразии самому наркому. Руководитель крупнейшей дороги в Союзе, старый член партии, безропотно принимает присланного к нему явного лже-специалиста, он не хочет ссориться...

Кочев работал в санитарном управлении НКПС. Быть может он врач? Тогда добро пожаловать, доктор Кочев! Оздоровляйте транспорт. За курение три рубля штрафа. Оде-колон не роскошь, а необходимость. Сифилис не позор, а несчастье...

Увы, но Кочев и не врач. Он не фельдшер. Даже не санитар. Он вообще работает в аппарате НКПС — в санитарном управлении — лишь с мая этого года...

Что же он в таком случае? Кто же он в таком случае? Кто этот незаменимый транспортник, присланный на укрепление линии, но столь стремительно промчавшийся мимо линии сразу с тремя путевками — в Днепропетровск, Железноводск, в Кисловодск.

И кто его друг в аппарате НКПС?

Чудесал

А. АГРАНОВСКИЙ

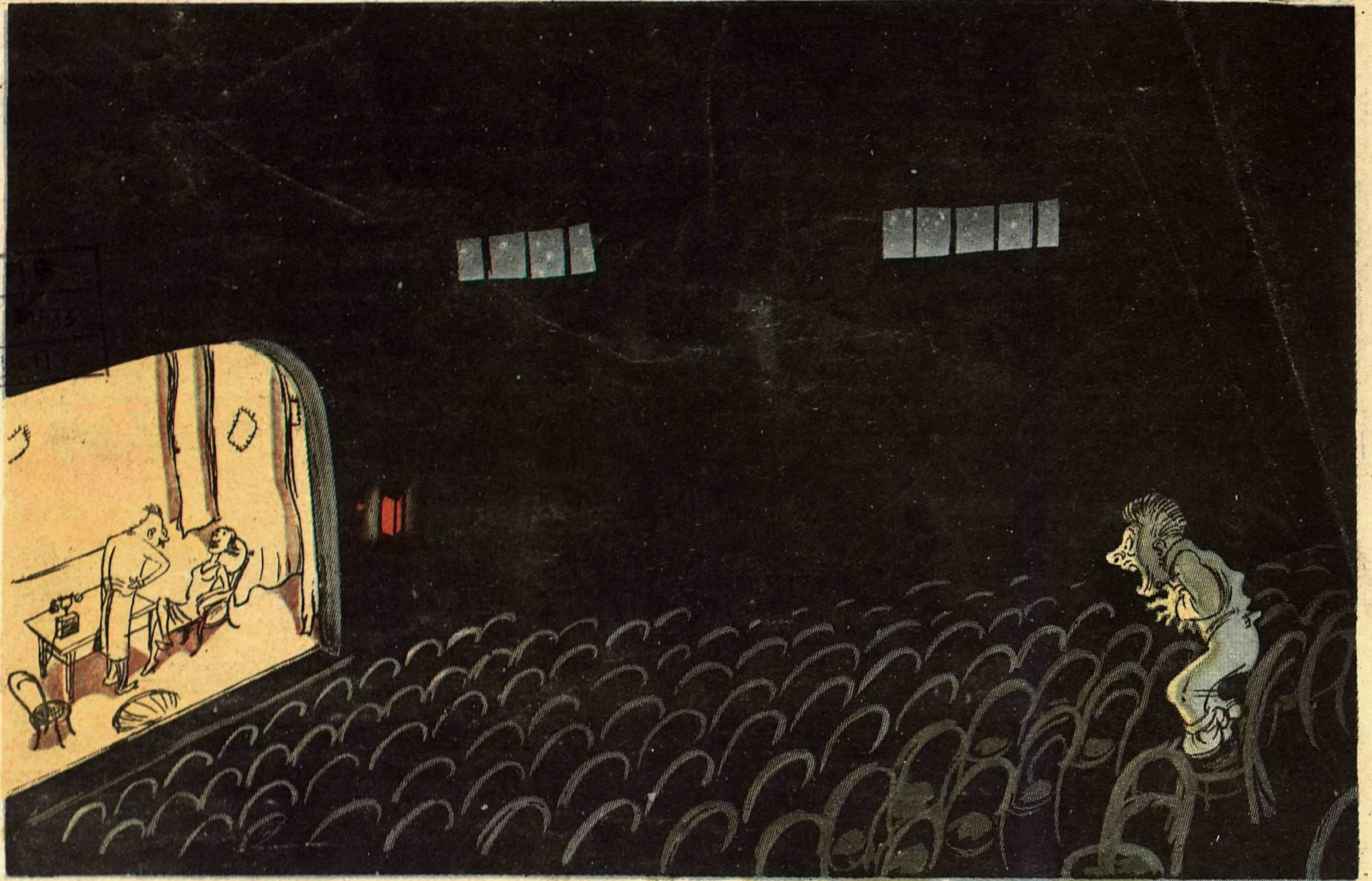
31144 ✓

ПОЗВОЛЬТЕ ЗАГЛЯНУТЬ ПО СЛУЧАЮ ПЯТИЛЕТНЕГО ЮБИЛЕЯ

(Рейд в Центральный парк культуры и отдыха им. М. Горького)

4245
81 IX

АРХ
10 ICE

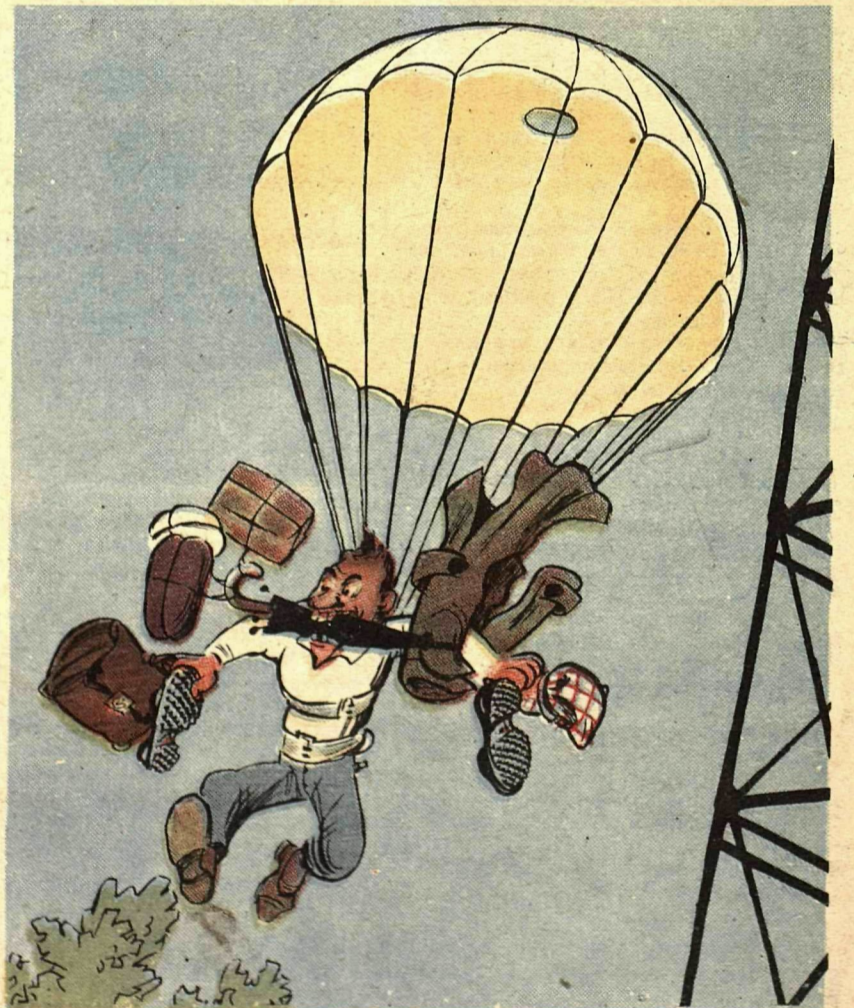


В „ВЕСЕЛОМ ТЕАТРЕ“ ГОМЭЦ ПУБЛИКА: — Возьмите меня к себе! Мне здесь страшно...



Лодки ЦПКИО так окрашены, что пачкают всех рискующих в них кататься,

— Эх, надо было вам синюю лодочку подать. Этот цвет вам не к лицу.



В ЦПКИО нет вешалок

— Все мое летит со мной!

Рисунки К. Рогова (тема М. Глушкова)